

Александр Полубинский

ВСЕМИ СИЛАМИ ДУШИ

Видение (наших дней) в одном действии

Действующие лица:

Славик – колясочник, не более тридцати лет на вид;

Майя – зрелая женщина, около пятидесяти лет, мать Славика;

Оля – молодая, скромная на вид женщина, светло-русые волосы;

Ирен – подруга Оли, привлекательная женщина с длинными темными волосами;

Филипп – мужчина сорока лет, полноват, заметна лысина;

Калюш – молодой человек тридцати лет, модная одежда и стрижка;

Эпизоды:

Брат Маркус, брат Гвидо, голоса;

2019, Минск
Александр Полубинский
alexander.polybinsky@gmail.com
+37529 2789194

Сцена первая

Вечер. Небольшая больничная палата. Из всех коек занята лишь одна. Открытое окно выходит в сторону леса с тонкой линией железной дороги. Славик в коляске сидит у кровати, переключая каналы телевизора.

Голос из телевизора: ... а в ближайший час мы подробно рассмотрим последние новости. Вчера все кандидаты в президенты выступили с обращениями к избирателям. Были представлены основные...

Славик выключает звук.

Славик: Это вы? (*поворачивается к залу*) Спасибо, что зашли. Садитесь-садитесь, места хватает... Вас, наверное, доктор попросил, да? (*усмехается*) Все переживает, что не сплю по ночам. Думает, мне выговориться надо, или как это правильно называется... Но я все понимаю. Сам бы на его месте попросил со мной посидеть. Но вы передавайте ему, там, что у меня все нормально. Все нормально... Просто у меня мать умерла. Недавно совсем. Вот... Поэтому нянчатся тут со мной. Но вы не пугайтесь только. Все, как бы, в порядке... Более-менее. (*делает паузу, а после жестом указывает на телевизор*) От прежнего, так сказать, посетителя... А в этот раз как-то с соседями не повезло. Попал «в мертвый сезон». (*усмехается*) Меня тут часто держат. Обследуют. Вызывают чуть не силой. Что тут обследовать? И так все понятно! Не знаю, может они там думают, что я ходить тайком начал или еще что... Реально, единственные, кто еще в чудо верит.

Подтянувшись, открывает окно. Берет сигарету.

Славик: Преимущество отдельной камеры (*закуривает*) У меня это все не с рождения. Три года назад заболел. Если так можно сказать, конечно... Долгая история, короче. Но я сразу... Я, реально, сразу все понял, когда подняться не смог. В первый раз. Все понял... Дыхание так захватило, как за горло кто держит. Сильно держит. Очень сильно... Поплакать не смог, даже если б захотел. Какая-то сила вдавливает, держит... Ну, как в драке, короче, когда понимаешь, что уже все... и ладошкой по земле хлопаешь. Так первые часы и лежал. Мыслей ноль – все как парализовало. Потом уже полегчало... Еще не двигаюсь, но так уже отхожу немного. По сторонам смотрю. (*усмехается*) И вот первое – реально первое – что пришло в тогда голову это мысль вот о чем... Вот почему считается, что человека – как это сказать – ну, характеризует то, что он делает? Я без шуток! Подумалось именно про это. Ну, мы же спрашиваем, мол, где работаешь, чем занимаешься... короче, что делаешь? А если я всю жизнь чего-то хочу – по-настоящему хочу – но впустую. Думаю, вот, мучаюсь, может даже пробую – результата никакого. Не было и не будет. Вот тогда я реально подумал, может именно это и есть что-то действительно важное! Может даже самое важное... Ну, то, что я хочу, но не осилю. В смысле, никогда... Это, знаете, был у нас с мамой сосед. Дядь Макар. Шофер на автазе. И такая у него странность – писал стихи. Ну, женщинам всяким, конечно. И когда они бросали его, он говорил, что все беды из-за стихов. Ну, в том смысле, что они плохие – вот женщины и уходили. И, короче, надо стараться лучше писать. Он помер уже, но так и не женился. Наверное, реально стихи плохие были.

Славик зевает, после берет новую сигарету. Закуривает. Из окна слышится звук проезжающего поезда.

Славик: (*морщит лоб*) Забыл, что сказать хотел... (*через паузу*) А, меня тут все знают как сына ведьмы. Без шуток. Приходят, бывает, про какие-то заговоры спрашивают... Честно,

я уже запарился объяснять, что она никакая не ведьма. Просто одной помогла тут. Знакомой своей. Я не знаю, как ее называть. Можно и ведьмой, наверное... Ну, она реально была похожа! Ну, вы же знаете, как они выглядят?

Шум поезда понемногу нарастает и заглушает голос Славика.

Славик: Ладно, пускай пройдет – я дальше расскажу!

Звук поезда переходит в громкий шум стучащих вагонов.

Сцена вторая

Вечер. Забытая Богом железнодорожная станция. Вокруг нее темнеет лес.

Две женщины – Ирен и Оля – прячутся под крышей зала ожидания.

Дверь заперта, однако на веранде много места.

Снаружи идет проливной дождь.

Ирен: Ну, что ты все молчишь, а? Как будто заставляю тебя?

Оля: *(не отрываясь от телефона)* Ищу сеть... Ты реально не помнишь, где ее дом?

Ирен: Я же не знала, что тут нет связи... Сейчас у кого-нибудь спросим.

Оля: У кого ты спрашивать собралась? Мы тут одни!

Ирен: Ну, и ничего страшного... Считай, это маленькое приключение.

Оля: Не приключение, а глупость.

Ирен: Ну, ты ханжа! Это... это просто преодоление трудностей. Понимаешь? Надо быть открытым миру!

Оля: *(не отрываясь от телефона)* Ага...

Ирен: Зато... посмотри как тут волшебно!

Оля: *(не отрываясь от телефона)* Ага...

Ирен: Я серьезно! Лес, свежий воздух... Все как в сказке!

Раздаются раскаты грома, на мгновение появляется проблеск молнии.

Бросив взгляд на Ирен, Оля продолжает искать сеть.

Ирен: Послушай, ну хватит уже дуться! Я же это все для тебя!

Оля демонстративно молчит.

Ирен: Понимаю, стремно! Но...

Оля: *(перебивает ее)* Да не стремно! Совсем не стремно.

Ирен: Вот и правильно! Тем более, уже приехали! Сходим, узнаем. А не понравится, то сразу валим.

Оля послушно кивает головой.

Ирен: Ты главное не беспокойся, Антонина свое дело знает. Тамара Петровна ее советовала!

Оля: Да, поняла уже.

Ирен: Говорит, много раз у нее была. И каждый раз все сходилось.

Оля: Каждый раз?

Ирен: Каждый.

Оля: Вот прям каждый?!

Ирен: Ну, да.

Оля: А ты не спрашивала у Тамары Петровны, что ей так часто было надо?

Ирен: В смысле?

Оля: Ну, вот зачем ей услуги этой... Алевтины, так часто?

Ирен: Антонины!

Оля: Черт!

Ирен: Как зачем?! Ну, не знаю... Будущее увидеть.

Оля: Что-то она часто в этом будущем нуждается!

*В их разговоре ненадолго возникает пауза.
Оля молча ходит из стороны в сторону.*

Оля (бубнит себе под нос): Как-то все это глупо, не находишь?!

Ирен: В смысле?

Оля: Ну, стоим мы здесь одни! На остановке этой... в глуши! Где даже телефон не ловит! Дождь этот! Я уже замерзла вся! А самое главное...

Ирен: Ну, Оля...

Оля: Подожди! А самое главное... Самое главное, едем к какой-то там ведьме, к этой Серафиме...

Ирен: Антонине!

Оля: Видишь, даже имя ее не могу запомнить!

Ирен: Повтори – Ан-то-ни-не.

Оля: Которую советовала какая-то бухгалтерша с работы...

Ирен: Еще раз, Ан-то-ни-на!

Оля: Которая постоянно нуждается в будущем! С финансами что, без этого уже никак?

Ирен: (задумчиво) А может ты просто отстала от жизни?

*Оля усмехается. Ирен обнимет подругу.
После достает из сумочки небольшую женскую флягу.*

Оля: Это что?

Ирен: Чтоб не мерзнуть.

Оля: Я не буду.

Ирен: Да, ладно тебе!

Оля: Пока не буду! (через паузу) Мало ли что я там пьяной наговорю, на свою голову?!

Ирен делает глоток и прячет флягу в обратно сумочку.

Ирен: А ты представь лицо своего Виктора... Ну, после всего этого.

Оля: После чего «этого»?

Ирен: (шепотом) Ну, после «этого»!

Оля: Ты хочешь сказать, что я приду в офис завтра и скажу, мол, милый, «а я тебя заговорила». Так вот и скажу?!

Обе едва сдерживают смех.

Ирен: А он такой в ответ: «Оля, нам надо это обсудить».

Оля: Нет-нет, он скажет: «Оля, а как ты это проэстимировала?»

Ирен: «Оля, нам надо обговорить стек технологий».

Оля: «Оля, ты оценила все риски?»

Ирен: «Оля, а как же согласование с вышестоящими инстанциями?»

Оля: Это да... (тяжело вздыхает) Может хоть теперь от меня отвяжется.

*Издали доносится звук пассажирского поезда.
Приблизившись к станции, он замедляет ход, после чего останавливается.
На перроне появляется Филипп. Несмотря на то, что кроме девушек здесь никого нет –
Филипп пытается обойти их стороной.*

Ирен: *(Оле, шепотом)* Ну, вот, а ты говорила никого нет... *(Филиппу, громким голосом)*
Здравствуйте... Прошу прощения! Здравствуйте!
Филипп: Д-д-добрый веч-ч-ер.
Ирен: А вы... вы... вы тоже к ведьме?
Оля: *(шепотом)* Ирен!
Ирен: А что я такого сказала?!
Филипп: П-пп-рост-т-тите?
Оля: *(Филиппу)* Вы не волнуйтесь, она так шутит.
Ирен. Я... я не шучу.
Оля: Ирен, хватит! *(Филиппу)* Вы извините ее!
Филипп: Нич-ч-его страшн-ного... *(через паузу)* А в-в-вы т-т-тоже к н-н-ей?
Ирен: Да, мы тоже!
Оля: Здесь не ловит сеть, и мы... в общем, мы заблудились.
Ирен: Давайте познакомимся, что ли? *(протягивает Филиппу руку)* Ирен.
Филипп: *(осторожно жмет ее руку)* Фил-лип-п.
Оля: Очень приятно, Филипп. Я – Оля.

*Филипп учтиво кивает в ответ, но продолжает мяться в углу остановки.
Ирен подходит к нему еще ближе.*

Ирен: Ну, не бойтесь вы меня так! Я же не ведьма.
Филипп: О-т-ткуда в-в-вы зн-наете Ан-т-т-тон-н-нину?
Ирен: Советовали. Как и вам, думаю.
Филипп: См-м-мешно ск-к-казать, но я п-п-пер-вый раз. Не зн-н-н-нал д-д-даже, что с-с-сегодня к-к-кого-т-то вст-т-т-тречу.
Ирен: Значит, все правильно работает. Это же отлично!

Ирен снова достает флягу и делает небольшой глоток.

Ирен: *(Филиппу)* Хотите?
Филипп: Н-н-нет, с-п-пасибо.
Ирен: Ладно, как хотите... *(делает еще один глоток)* Простите, Филипп, а чем вы занимаетесь? Ну, по жизни.
Оля: *(шепотом)* Ирен!
Ирен: Что такое? Мне инетресно!
Оля: *(шепотом)* Хватит приставать к людям!
Ирен: К людям? *(демонстративно оглядывается)* Я тут больше никого не вижу.
(Филиппу) Вам тоже кажется, что я пристаю к вам? Или что...
Филипп: Я шк-к-кольный уч-ч-читель.
Ирен: Вы – школьный учитель? И какой предмет?
Филипп: Ф-ф-физик-к-ка.
Ирен: Учитель физики?
Филипп: Д-д-да.
Ирен: Реально учитель физики? К ведьме? В эту глушь? *(делает паузу)* Далеко от школы забрались.

Филипп: Д-д-да, н-н-навверное... (*через паузу, Оле*) А в-в-вы в-в-вообще в-в это в-в-се в-в-верите?

Оля: Я?

Филипп: Ну, в-в аст-т-трологию, г-г-г-адания вс-с-сякие...

Оля: (*усмехается*) Я... честно, не знаю. (*кивает на Ирен*) Это она меня привела!

Ирен: Ну, почему это должно смущать? Все нормально! А вообще думаю, что эти науки – не просто ключ к успеху, но вообще... к будущему!

Филипп: П-п-простите... Вы с-к-к-казали н-н-науки?

Ирен: Да, науки! Там полностью замешаны точные вычисления. Солнечные затмения, движения космических тел... Это же все строго просчитывается.

Филипп утвердительно кивает головой.

Ирен: Вы же в курсе, что планеты солнечной системы своим магнетизмом действуют на наше поведение?

Филипп: Д-д-д-опустим.

Ирен: Что значит допустим? Это научный факт! (*достает флягу и делает еще несколько глотков*) Мы можем точно вычислять – в какое время стоит, а в какое нет, что-то предпринимать. Ведь самое главное, это...

Оля: (*перебивая Ирен*) Филипп, так вы проводите нас к Антонине?

Филипп: П-п-простите. К-к-конечно.

Сцена третья

Дом Антонины. Большая гостевая комната со столом посередине.

С задних полок, сквозь тень, выглядывает множество старых телевизоров.

За столом сидит Калюш. Майя суетливо ходит вокруг, расставляя свечи.

Майя: Божечки мой, из-за этой бури во всей округе света нет. (*ставит на стол керосиновую лампу*) Нормально вам так? Или еще свечек принести?

Калюш: Не надо. Мне нравится этот интимный полумрак.

Майя: Ой, все вы шутите.

Калюш: Я серьезно. Очень кинематографично.

Майя: Скажете же.

Калюш: Особенно они. Немые свидетели былого величия. (*указывает на полки с телевизорами позади себя*) Знаете, чувствую себя как в музее.

Майя: Ой, ну вы опять! Это все от мужа Антонины осталось. Золотых рук человек был. Всю технику мог в порядок привести.

Калюш: (*усмехается*) Да, я вижу.

Майя: Это все старые модели, на полках. По свалкам собирались, для деталей. (*через паузу*) А, бывало, Антонине такую технику вместо оплаты приносили. И муж потом садился, все ремонтировал.

Калюш: (*кивает головой*) Да, это любовь.

Раздается стук в дверь. На пороге появляются Ирен, Оля и Филипп.

Майя: Здравствуйте-здравствуйте, милые мои. Проходите в дом. Вот, к столу! Садитесь как вам удобно.

Гости проходят к столу.

Калюш поднимается со своего места им навстречу.

Майя: А это еще один наш гость.

Калюш: Разрешите представиться. Калюш.

*Калюш целуют руку Ирен и Оли,
и крепко пожимают ее Филиппу, будто старому другу.*

Майя: Ну, теперь точно к столу! Я чаю принесу!

Оля: (*в нерешительности глядя на Калюша*) Ой, это же вы?!

Калюш: Простите?

Оля: Господи, это точно вы! Боже мой!

Ирен: (*шепотом Оле*) Кто это?

Оля: А я по телевизору постоянно смотрю ваше утреннее шоу!

Калюш: Ммм... Спасибо.

Оля: Так настроение поднимают ваши шутки! По утрам... ну, совершенно не хочется жить!

Калюш: (*широко улыбается*) Вы знаете, мне тоже.

Ирен: А я вот вообще не смотрю телевизор!

Оля: Ну, причем тут телевизор?

Ирен: Сплошная пропаганда!

Оля: Да, ну тебя.

Калюш: (*Оле*) Здесь я полностью согласен с вашей подругой.

Оля: Даже не верится вас тут встретить! О, Боже... Я такая идиотка. У вас, наверное, что-то случилось?! А я пристаю со своими вопросами.

Калюш: (*продолжает широко улыбаться*) Ну, вы, к счастью, пока еще ничего не спросили.

Ирен: Ну, почему обязательно должно что-то случиться?

Калюш: В самом деле! Может я тут, что называется, для профилактики?

Майя: Так, милые мои, давайте сначала за стол!

Все наконец-то садятся за стол. Майя выходит из комнаты.

Возникает недолгая пауза.

Ирен, воспользовавшись случаем, достает флягу и делает глоток.

Ирен: Боже, я так не люблю эти заминки в разговоре... Калюш, может вы, ну, как-то пошутите?

Оля: (*шепотом*) Ирен!

Ирен: А что тут такого? Вы же «комедиант», как я поняла из возгласов вашей поклонницы. Вот и разрядите обстановку.

Калюш: Вот вы...

Ирен: (*перебивает его*) Ирен.

Калюш: Да, спасибо. Ирен...вы в точности повторяете самый глупый предрассудок.

Ирен: И какой же?

Калюш: Если быть предельно честным, то меня просто убивает стереотипное мнение, что человек связанный с юмором – это безумный хохмач. А ведь так многие думают! И, поверьте, это выглядит очень убого, когда меня чуть на каждом углу спрашивают – а чего ты такой грустный? Или, еще хуже, говорят – а давай-ка, отчебучь сейчас что-нибудь! Давай, расскажи какую-нибудь шутку.

Ирен: Ну, что вы ломаете тут комедию!

Калюш: (*усмехается*) А это, кстати, хорошая шутка. Моя комедия действительно сломана.

Оля: (*Калюшу*) Простите, она не хотела вас обидеть. (*шепотом*) Ирен, хватит!

*Майя возвращается в комнату чайником.
После чего осторожно расставляет чашки на столе.*

Майя: Ну, как вы тут, милые? Познакомились?

Ирен: Спасибо, знакомимся... А вы здесь чем занимаетесь? Помогаете Антонине? Или, может, поколдовываете на досуге?

Майя: Всего понемножку. *(разливает чай)* Так, давайте сюда... Сыночка своего лечу у нее. Так что, помогаем друг дружке все вместе.

Ирен: А что с ним?

Оля: *(шепотом)* Ирен!

Майя: *(вздыхает)* Не ходит он у меня. Давно уже... Свыклись. Уже третий годик как не ходит... *(вздыхает, через паузу – Филиппу)* Ну, пододвигай чашку. Антонина очень просила вас сперва чаем напоить. Отдохнуть хочет, и чтоб вы отдохнули.

Ирен: А у нее уже кто-то сегодня был?

Майя: Ой, ну как был... Так, приходил один. Кролик из соцсетей.

Оля: Кто?

Майя: Ну, это она так их зовет... Бывает как – приходит человек и жалуется на жизнь, на болезнь. Ну, Антонина начинает смотреть – порчу ли кто навел, или что-то еще. А когда оказывается, что заговоренный он – кролик наш – то не из мести, а просто по случайности.

Ирен: Как это по случайности?

Майя: А что разные случайности бывают? Школ то сегодня много ведовских. Там студенты. Ну, и некоторые так шалят. По фото много чего сделать можно – а их в сети пруд пруди. Бери и тренируйся.

Филипп: В-в-в-ы с-с-серьезно?

Майя: Конечно, милый.

Филипп: Н-н-неуж-жели т-т-так п-п-просто по ф-ф-фото т-е-ебе может к-т-то-то з-з-з-а-г-г-гов-в-ворить?

Майя: Ну, милый, не каждый сможет. *(подсаживается к Филиппу)* Вот жизнь же наша – простых смертных – она какая? Как тонкая-тонкая ниточка. Гладкая, коротенькая... А люди силы, как Антонина, это узелки. Через них силы божественные действуют. Вот и могут они то, что не можем мы.

Филипп: А в к-к-какого б-б-бога он-н-на в-в-ерит?

Майя: Об этом не ломай голову, милый. Богов-то много – на всех хватит. Главное не это...

Филипп: Ч-т-т-о г-г-главн-н-ное?

Майя: Что у людей, простых людей, все как у богов. *(усмехается)* Но у богов – не все как у людей.

Калюш: *(Оле, полушепотом)* Отличная шутка.

В разговоре наступает пауза.

В соседней комнате шепотом читается молитва.

Гости переглядываются, Майя жестом показывает, что все в порядке.

Филипп: Т-т-так а рабб-ботает леч-чение?

Майя: Какое лечение?

Филипп: В-вашего с-ы-ына. К-к-как она его л-л-лечит?

Майя: Водой дождевой лечит, чем же еще? Водича с неба все расскажет и поправит. Собираем ее всеми силами.

Филипп: П-п-прос-т-то вод-д-дой?

Майя: Водой, милый, водой. (*через паузу*) Ну, не смотри ты на меня так удивленно – и лекарства пьет тоже, конечно. Не лишним будет. (*через паузу*) По правде сказать, я за него и свечки ставлю, и молюсь. Мало ли что... Все в ход идет. (*смеется*) А хочешь знать как свечки правильно ставить?

Филипп: Я не в-в-верю в Б...

Майя: Верю-не верю. Я же не о том!

Ирен: Так, а какая проблема со свечками? Мне уже интересно стало!

Майя: Много охотников в храме на энергию. Всякая свеча это канал, но если зажечь ее от другой, то энергия перейдет туда. Первые свечки бабки заговаривают. Что у храма стоят. Почти каждая из них ведьма. Ну, это ж вы и так знаете?!

Все дружно смеются.

За столом снова возникает непродолжительная пауза.

Слышно, как в соседней комнате медленно двигается мебель.

Оля нервно поглядывает то на Ирен, то на Майю.

Оля: (*Майе*) А вы, может, расскажете, как вообще все проходит? Ну, наш разговор с Антониной. Что говорить? Как правильно вести? (*смущенно улыбается*) Простите, я себя просто так глупо чувствую!

Майя: Это ты меня, милая, прости. Ей Богу, забыла! Вы же все тут, считай, в первый раз. Оно-то все не сложно – садитесь и говорите как есть. О чаяниях своих житейских, беспокойствах сердечных... Коли же боитесь, можете молчать. Да, зашли и сели так молча. Антонина дальше уже сама поймет, чего вам взаправду нужно. (*утвердительно кивает головой*) Поймет-поймет, не беспокойтесь.

Филипп: А ф-ф-фот-т-тография н-нн-ужна?

Майя: Какая фотография?

Филипп: С-с-своя. М-м-мне т-т-так г-г-говорил-ли.

Майя: Да зачем же своя, милый? Только если себя приворожить решил!

Гости едва сдерживают смех.

Филипп: А он-на т-т-точно узнает ч-ч-чего я х-х-очу на с-с-самом д-деле?

Майя: Она уже это знает! Ты даже рот открыть не успеешь, как она все про тебя поймет... (*через паузу, глядя на удивленного Филиппа*) Ладно, милые мои, пойду к Антонине загляну.

Майя выходит из комнаты, за столом повисает долгая пауза

Филипп: К-к-к-то-ниб-будь з-з-здесь к-к-курит?

Сцена четвертая

Вечер. Больничная палата. Славик в коляске сидит у открытого окна.

Достает новую сигарету, закуривает.

Славик: А все же с чего началось... Врачи долго не могли диагноз поставить. Говорили, мол, анализы в норме, так что ясности по моему вопросу мало. Надо думать, решать. А что решать, когда я сам чувствую – пиздец полный! Хорошо, потом один честный нашелся. Врач, в смысле. Подошел и при матери говорит, мол, мы не знаем, что делать – идите к бабкам. Без шуток, так и сказал! Ну, и дальше пошло-поехало. Жена моя тогдашняя бегом к батюшке свечки ставить, а мать – к этой своей колдунье пошла. Ну, и

Филипп: Д-д-да.

Оля: Но с ними все хорошо?! (*смущенно*) Простите, я просто подумала, что вы здесь из-за них.

Филипп: Можно и т-т-так ск-к-казать.

Оля: Господи, что произошло?!

Филипп: С н-н-ними все хорош-ш-шо.

Оля: Тогда что вы здесь делаете?

Филипп: Т-к-кк-а п-п-просто не ск-к-казать.

*Оля с пониманием кивает головой.
Они некоторое время сидят молча.
Слышно как капли дождя падают в ведра с водой.*

Филипп: П-просто... н-надоело б-б-быть неуд-д-ачником.

Оля: Ну, что вы?!

Филипп: Э-т-т-то п-п-правда. Нн-не спорьте. Вы с-с-сами т-т-так небось п-п-под-думали, когда меня ув-в-видели.

Оля: Ну, что вы! Как может быть неудачником человек, у которого... есть жена и две дочки?

Филипп: В т-т-том-т-т-о и д-д-дело, что м-м-может... М-м-может, но не д-д-должен! П-п-просто не им-м-меет п-п-рава.

Оля: Вы на себя наговариваете...

Филипп: Но я х-х-хочу все п-п-поменять!

Оля: Не понимаю, что вам менять? У вас, как оказывается, все уже есть. Вам просто... Просто не хватает поддержки.

Филипп: Не в эт-т-том д-д-дело. Не м-м-меня дд-д-олжны поддерживать, а я. Их д-д-должен п-п-под-держив-вть... Я с-с-сам, п-п-понимает-те?

*Филипп кладет голову на плечо Оли.
Она осторожно обнимает его, гладит по голове.*

Филипп: Я х-х-хочу быть т-т-тем, к-к-кем гордятся д-д-дети, кого л-л-любит женщина. Не т-т-т-ихим п-п-придатком к-к-кот-т-торого никто не слыш-ш-шит. Вы п-п-представить не м-м-можете к-к-как я уст-а-ал... П-п-порой к-к-кажется, чт-т-о я н-н-ненавижу свою с-с-семью, но на с-с-самом д-деле... Н-н-на с-с-самом д-деле я н-н-ненавиж-жу л-лишь с-с-себя.

Оля: (*шепчет*) Тихо-тихо, я понимаю. Я все понимаю...

Филипп: Нич-ч-чего не п-п-помогает... Вс-с-се п-п-пробовал. П-п-психолог-г-га там, в-в-врач-ч-чей... С-с-сам д-д-думал... (*еле сдерживает слезы*) М-м-м-меня н-н-никто не слышит! Ни д-д-дома, н-н-ни н-н-на раб-б-оте. Дл-я-я вс-с-сх... для -н-нн-их вс-с-сех м-м-меня нет. В-в-вобщ-ще н-не с-с-существует!

Оля продолжает гладить редкие волосы Филиппа.

Филипп: (*прерывисто дыша*) К-к-как-то п-п-проснулся и р-р-решил, что вс-с-се помен-н-няю. Ч-ч-чего б-бы ни с-т-тоило. Вс-с-семи средств-в-вами. С-д-делаю вс-с-се в-в-возможное, но п-п-помен-н-няю ж-ж-жизнь. В-сс-е п-п-поменяю!

Оля: (*шепчет*) Я не сомневаюсь.

Филипп: О-н-н-и з-з-зам-м-метят. Я чт-т-о у-г-годно сд-д-делаю... Чт-то у-г-годно! Он-и зам-м-метят м-м-меня!

Некоторое время они сидят в полной тишине.

Филипп успокаивается и поднимает голову с плеча Оли.

Филипп: А в-в-вы с ч-ч-чем п-п-пришли?

Оля: Думаю, вы уже все про меня поняли.

Филипп: *(через паузу)* К-к-какой он?

Оля: Он... *(вздыхает)* Смешно сейчас говорить, но от него... от него сила какая-то исходит. Вот, вижу, что кругом просто люди... без силы. И я такая же, так что не думайте что я особенная какая-то... Так вот, сила, что от него идет... как бы объяснить... Я ведь... Я по звуку машины понимаю – он или не он приехал! Не знаю как, но чувствую! Не описать просто... Понимаете?

Филипп молча соглашается.

Оля: И эта сила его ... Она просто нечеловеческая какая-то! Когда в ней находишься, ты... ты просто летишь. И так этой силы не хватает, если нет его рядом... Так не хватает! Но когда она в тебе, обращена на тебя, это... Это как поток. Все можешь! Все у тебя получается!

Филипп: В-в-вы р-р-работаете вм-м-месте?

Оля: Да... И вот, простите, я опять о своем... Пусто даже в работе эта уверенность ощущается. Ты такой сидишь спокойный, даже когда все горит... Все бегают, беспокоятся, проблемы там. А он спокоен. Как шахматист... Ну, который все на ходы вперед продумал. Все у него под контролем. Это так... Не могу объяснить... Но ты знаешь, ты точно знаешь, что он – вот он – придет и все возьмет в свои руки. И все будет хорошо, все будет спокойно. Он...

Филипп: Он жен-н-нат?

Оля: Конечно. Такие не бывают одни... Думаете я больная? *(усмехается)* Мне даже – черт, смешно сказать – я вот даже чувствую нашу с ним родственность душ. Вот, кто другой бы сказал – я бы сама пальцем у виска покрутила! А вот с ним... Я, в самом деле, чувствую... Ну, будто мы уже знакомы много лет... Но все эти годы были вместе... Где-то далеко, не знаю где. Может в какой-то далекой стране. Это не важно... Главное что вместе. И хоть это было давно, но это были мы... Понимаете? Мы...*(нервно улыбается)* Простите. Простите меня... Сама себе душой кажусь, когда это говорю. Просто... когда на тебя обращает внимание такой человек... Ты сама себе нравишься. По-настоящему нравишься! А в другой момент глядишь на себя в зеркало – и тошнит! Тошнит от себя самой...

Филипп: В-в-в-ы оч-ч-ень кра-а-асивая.

Оля: Да не в этом дело! *(поднимается на ноги)* Может... все это ложь, что я вам тут несу! Полная ложь... Я ведь сперва думала, что это из-за внимания. Так и психолог сказал – дефицит внимания. Из-за этого на все так остро реагирую... Он поманит – я и бегу. А надо как Ирен моя! Понимаете? Нравиться себе, жить для себя! Хоть как-то себя уважать! Мерзко от этой неполноценности... Я просто... *(усмехается)* Поймите, я ведь тоже устала быть ничтожеством. Очень устала... Устала быть долбанной половинкой. Его половинкой! Ждать, ждать, ждать, что вот он придет и наполнит меня. Рассказывать какой он исключительный! Верить, что он про меня не забудет... Что думает обо мне, хоть иногда... Мерзко от этого. Мне просто надоело! Надоело! Как же мне это надоело... *(через паузу, с усмешкой)* Видите, как мы похожи?

Филипп молча соглашается.

Оля: Но все... все хорошо будет, раз мы здесь.

Филипп: Д-д-да, к-к-конечно.

Оля: Все это кончится и начнется новая жизнь. (*глубоко вздыхает*) Какая-никакая – главное, чтоб моя.

Хлопнув дверью, на крыльце появляется Ирен.

Ирен: Не помешала?

Оля: Что, Антоина освободилась?

Ирен: Нет. Майя говорит, что она еще в астрале.

*Ирен садится рядом с Филиппом.
Достаёт флягу, подносит к губам и делает очередной глоток*

Ирен: А вы тут что? Поплакались друг другу?

Оля: (*шепотом*) Ирен!

Ирен: Да, что такое?!

Оля: (*шепотом*) Пожалуйста, держи себя в руках.

Ирен: Ой, прошу тебя.

На крыльце появляется Майя со свечой.

Майя: Что на холоде-то сидите? Заходите скорее в дом. Вон непогода-то какая!

*Ирен и Оля заходят в дом.
Майя поднимает одно из ведер с водой.*

Майя: (*Филиппу*) Пойдем к Антонине, милый. (*через паузу*) Пора...

*Майя возвращается в дом.
Начинается ливень, звуки которого плавно переходят в аплодисменты.*

Сцена шестая

Филипп остается на сцене. Рядом появляется надпись – «Public Science Lections».

Филипп: Добрый вечер, друзья. Спасибо... Спасибо, вам! Как вы знаете, я – физик и я люблю загадки. Поэтому сегодня мы поговорим о невозможном. (*делает паузу*) Что мы имеем ввиду, на самом деле, когда говорим друзьям или близким, мол, «чувак, это невозможно» или «wow, не может быть»? Да, чаще мы понимаем это как нечто противоречащее нашим здравым – а все свои убеждения мы почему-то считаем здравыми – объяснениям. Если я не могу это объяснить, то это, мягко сказать, маловероятно. А если мы говорим не от себя, а от науки? (*делает паузу*) Как много вещей кажутся необъяснимыми, а, следовательно, и невозможными. Но они, черт подери, происходили и будут происходить!

Делает долгую паузу, расхаживая по сцене.

Филипп: Много лет назад, когда я был еще очень-очень молодым ученым... я попал в одну исследовательскую лабораторию. Первая работа в науке! Я был полон сил и надежд. (*усмехается*) И я был не один такой. Вместе со мной, в тот же день, вышла и другая коллега. И если я влился в коллектив безболезненно, то у нее возникли проблемы. Дело в том, что она просто феноменально приносила... несчастья. Стоило ей подойти и,

например, умилиться внешности вашей жены на фотографии на рабочем столе – знайте, скоро она заболит. А, например, если похвалит прическу – к счастью, мне это не грозило – то на следующий день у вас появлялась ссадина или синяк. Случайно... но непременно появлялась. У нее вообще с изображением были свои, специфические отношения. Как у колдуньи, которая по фото наводит порчу. Все в лаборатории об этом знали, хоть и делали вид, что... не верят. Делали вид, но фото родных даже в бумажниках уже никто не носил! (*через паузу*) Вскоре она уволилась. А самое смешное, знаете что? Сейчас работает в одной «крупной айти-компании». Вы прекрасно знаете название. Так что не удивляйтесь новостям, что теперь лишь по нескольким фото в сети машина может определять ваш пол, возраст, некоторые черты характера, даже болезни... а также фамилию кандидата, за которого вы решили проголосовать. (*смех в зале*) Однако вернемся к «невозможному». Мы с коллегами тогда увидели что-то выходящее за границы логики. Нашей логики... Но это работало! Выходит, у нас проблема с самими... критериями невозможного. Ведь всякое невозможное – переступает через эти критерии. Что это значит для нас?

Медленно прохаживается по сцене.

Филипп: Все очень просто. Выходит, реальность, в какой угодно момент времени, может принципиально измениться... а может и не меняться. Это все, что можно сказать о ней – точно. Иными словами, мы должны признать, что реальность в следующий момент может быть другой. Настолько другой, что разрушит все наши прежние представления о ней! (*делает паузу*) И это всем знакомо. Когда я влюбился в первый раз, то думал, что это настоящая любовь. Вот это – думал я – вот это точно настоящая любовь, о которой я читал у Ремарка! Разумеется, когда я влюбился во второй раз, то подумал... мне кажется, вы уже знаете ответ. (*смех в зале*) Всякий раз, когда это происходило, я думал, вот она... настоящая любовь. Но проходило время, и я понимал, что... мне очень жаль это произносить, но все же. Каждый раз нам кажется, что это она. Однако проходит время и мы все понимаем. Получается... Получается, будущее меняет прошлое. (*делает паузу*) Хорошенько подумайте об этом. Звучит абсурдно, неправда ли? Однако если верить современным философам и ученым, все так и происходит. Более того... Более того, это и есть наше единственное бесспорное знание о мире. Так, завтра может оказаться, что средство от прыщей, на самом деле, является их главной причиной. Бумажные пакеты загрязняют землю хуже пластиковых. Или же вообще окажется, что лекарство от рака лишь на пару молекул отличается от никотина.

Смех в зале.

Филипп делает долгую паузу, поправляет микрофон.

Филипп: Да, чуть не забыл. Каждый физик должен знать хотя бы одну байку про Эйнштейна. Иначе это ненастоящий физик. (*смех в зале*) Исправляю недочет... Как-то один из эйнштейновских аспирантов заметил, что тот не поменял вопросы к экзамену. И сделал ему замечание, мол, профессор, эти же вопросы были у нас в прошлом году. Уверен, вы знаете, как заканчивается история... (*смех в зале*) Да, все верно – Эйнштейн ответил: за год изменились ответы. Надеюсь, вы поняли шутку. Что ж, на этом все... Спасибо! Наш мир удивительное место. Все здесь, по закону энтропии, имеет конец, кроме нашего желанья время от времени совершать нелогичные вещи, а после слышать голос внутри себя – «черт, это работает!».

Кланяется и уходит со сцены.

Сцена седьмая

Дом Антонины. Большая гостевая комната со столом посередине. На нем зажженные свечи и старая керосиновая лампа. За столом Ирен, Оля и Калюш. Ирен сидит напротив Калюша.

Оля: Столько времени прошло, а света нет.

Калюш: Мой телефон уже умер.

Оля: И мой...

Ирен вызывающе перекидывает ногу на ногу.

Ирен: А вот Калюш, простите за бестактность... Можно задать вопрос?

Калюш: Конечно.

Ирен: Вот вы... вы так и не сказала по какому вопросу сюда пришли.

Оля: *(шепотом)* Ирен!

Ирен: *(Оле, шепотом)* Да, хватит уже! *(Калюшу)* Ну, возможно вы здесь... для своего следующего проекта или, может, по личным причинам?

Калюш: Знаете, Ирен... В искусстве личное часто пересекается с публичным. Но если вам так удобно, то можете считать, что я здесь для...

Ирен: *(перебивает его)* Понимаю... Вы готовитесь к какой-то роли?!

Оля: Ирен!

Ирен: Ну, если не секрет!

Калюш: *(усмехается)* Так и хочется сказать – спросите что-нибудь полегче. Я не думаю, что разглашение деталей...

Ирен: *(снова перебивает его)* Это так интересно!

Калюш: Поверьте, ни одна роль не интереснее живого человека.

Ирен: Даже такой простой женщины, как я?

Калюш: Особенно для такой... непростой. Вы непростая и...

Ирен: *(перебивает его)* Непростая?

Калюш: Да, очень... В вас нет этой...

Ирен: *(перебивает его)* Простоты?

Калюш: Да, верно. Ее совсем нет. И такое, знаете, ощущение зыбкости...

Ирен: *(снова перебивает его)* Зыбкости?

Калюш: Простите, я имел ввиду – гибкости.

Ирен: Так гибкости или зыбкости?

Калюш: И того, и другого. И вообще, мне кажется, что вы... вы похожи на актрису.

Ирен: От вас ничего не скроешь! *(смеется)* Вы почти угадали.

Калюш: Вот видите!

Ирен: Я ходила на актерские курсы... Не так давно!

Калюш: Это и бросилось в глаза! И вообще...знаете, Ирен, я не так часто бываю здесь... у Антонины. Но каждый раз я вижу людей, которыми что-то движет. По-настоящему движет! Они чего-то истово желают. В них заметна воля к жизни. Большая редкость в наши дни...

Ирен: Редкость?

Калюш: Здесь я вижу людей, которые не принимают жизнь такой, какая она есть. Которые готовы на все... По-настоящему на все! И вот это – дорогая Ирен – не сыграть. Так что, по правде сказать, я прихожу сюда... учиться. В том числе – у вас!

Ирен: Учиться у нас?!

Калюш: А что в этом удивительного? Вы, в самом деле, нужны мне!

Ирен: Вы шутите... Вы всегда шутите!

Калюш: А может это грезы о чем-то ином, нежели просто работа...

Ирен: *(перебивает его)* Так, а вам чего хочется?

Калюш: Чего мне хочется? (*вздыхает, делает паузу*) Да, наверное, того же, чего и вам – как-то иначе воздействовать на жизнь, на... мир.

Ирен: Но у вас уже все есть, чтобы, как вы говорите, «воздействовать на мир»! Оля сказала, что вас знают тысячи! Десятки тысяч!

Калюш: Вы не понимаете... Вот, оглянитесь.

Ирен оглядывается.

Калюш: Что вы видите?

Ирен: (*задумчиво*) Телевизоры.

Калюш: Не только их. Нас окружает, как бы так изящнее выразиться... формальность. Полная и тотальная формальность. Формальность во всем – в поступках, в словах, в отношениях... Мы, словно, персонажи в поисках автора. Понимаете? Всего лишь персонажи... Знаете, мир не сильно изменился со времен каст. Порой кажется...

Ирен: (*перебивает его*) А вам-то что? Вы же из верхней «касты»!

Оля: Чего вы-то хотите?

Калюш: Я хочу личного... Понимаете? Лич-но-го. Играть во что-то формальное – особых усилий не требует. Вот вы каждый день меняете десятки ролей: подруги, коллеги по офису или... пассажира такси. Десятки! Мы все в этом театре! А хочется... чего-то личного. Того, что обращено только к тебе. Хоть что-то, что обращено только на тебя, понимаете?! Нам хочется хоть где-то видеть настоящее, что-то подлинное, что-то... черт подери, невозможное!

Ирен: Вы меня заговорили... Боже, как тут душно! (*делает знак Оле, шепотом*) Выйдем покурить?

Оля: Что?

Ирен: (*громче, по слогам*) Выйдем подышать.

Оля: Ну, пойдём...

Оля поднимается из-за стола.

Ирен: Я догоню.

Оля, в некотором недоумении, выходит из комнаты одна.

Сцена восьмая

Крыльцо дома Антонины. Снаружи барабанит дождь и, где-то вдали, слышны раскаты грома. В окне мелькает тень.

Оля: (*усмехается*) Ну, что, охмурила его? Так и знала, что все этим закончится! (*через паузу*) Ирен? Ирен, ты тут?

Не дождавшись ответа, Оля закуривает.

Из-за угла появляется силуэт в монашеском плаще – брат Гвидо – и окатывает ее водой из ведра, что стоит на крыльце. После чего хватает за волосы и бросает на землю.

Оля с криком сопротивляется, пока рядом не появляется второй монах – брат Маркус.

Держа в руках свечу, он несет с собой небольшой свиток.

Брат Маркус: Добро пожаловать, грешница. По правде говоря, нам редко доводится оказаться в нужном месте в нужный час. Но тебе повезло! Ты здесь среди друзей. Более того, среди самых внимательных слушателей.

*Брат Гвидо опускает ее голову в ведро с водой,
и некоторое время удерживает там.*

Брат Маркус: В пучине мирских и суетных дел мы часто забываем о душе. Живем так, будто нам уготованы века, а ведь это печальное заблуждение... Что ж, мы долго следили за тобой, сестра, и, признаться честно, нашли немало обличающих свидетельств. Однако времени на общение у нас, к сожалению, не так много. *(оглядывается по сторонам)* Поэтому... *(усмехается)* Поэтому мы выбрали три лучшие обвинительные истории. Тем более, «три» – это святое число. Обещаю, тебе самой они очень понравятся. Ммм... Ты же не против?

Брат Гвидо снова опускает голову Оли в воду и держит чуть дольше.

Брат Маркус: Рад, что ты не возражаешь... Итак, сестра, против тебя даны следующие свидетельства. Свидетельство первое... Брат Поппо, настоятель монастыря Пфальцеля пишет, что ты, именно ты, сестра, околдовала его сапоги. Надев которые, он воспылил неугасаемой страстью к монахине Лауре. След этой страсти она обнаружила когда после исповеди стала на колени, чтобы поцеловать его руку... *(усмехается)* Во время исповеди. Прости Господи. *(некоторое время мучительно сдерживает смех, успокаивается)* Дьявольское наваждение, по мнению брата Поппо, бесспорно. *(читает ускоренно)* Он был вынужден разогнать всех сестер обители, не разбирая правых и виноватых, а сам отправился в Иерусалим.

Оля: Но я...

Олю снова окунают в воду.

Брат Маркус: Не спеши сестра... Покаяние не терпит суеты. Далее... Андреа Маньяни обвиняет тебя в покушении на жизнь его тринадцатилетней сестры. Интересно, да? Девушка, проживавшая со своей матерью и братом в Бергамо была обнаружена в Венеции, в постели незнакомца абсолютно голой... *(начинает хохотать)* Девочка, заливаясь слезами, уверяла, что, проснувшись ночью, увидела, как мать мажет себя какой-то мазью. *(читает ускоренно)* Совершив, по детской наивности, то же самое, она оказалась в непонятном месте... Там же, по ее свидетельству, была ее мать и ты. Также – абсолютно нагими. *(меняет скорость, произносит эти слова с нафосом)* Девушка испугалась, и лишь прочитанная вслух молитва спасла ее. *(первому монаху)* Да уж... Брат Гвидо, мне до жути напомнило это твою историю! Можно я поведаю, как ты оказался в нашей обители?

Брат Гвидо отрицательно качает головой.

Брат Маркус: Ну, почему?! *(обращаясь к Оле шепотом)* Скажу тебе по секрету, именно из-за этого он и принял обет молчания. *(брату Гвидо)* Пожалуйста, дружище. Это же поистине... замечательная и, что самое главное, поучительная история! Она послужит добрым примером каждому слушателю. *(с иронией)* Даже такой заблудшей овце.

Брат Гвидо нехотя соглашается.

*Брат Маркус подсакивает с места и одной рукой обхватывает его шею.
Он в шутку пытается душить брата Гвидо,
а Оля сама окунает голову в ведро.*

Брат Марус: Отлично! Итак, сестра... *(слегка ироничным тоном)* Детство брата Гвидо прошло в маленькой деревне на берегу океана. Огромного синего океана. Он был младшим... Младшим же?

Брат Гвидо утвердительно кивает.

Брат Маркус: Он был младшим ребенком в большой семье рыбака. Берег океана, высокие скалы, свежий воздух... *(делает глубокий вдох)* Это было поистине райское место. Там и в голову не придет мысль посвятить свою жизнь Богу. *(усмехается)* Ну, в самом деле – какой Бог, когда есть океан? И все было прекрасно, он рос в окружении любви и привязанности – отца, матери и бабушки. Старенькой-старенькой бабушки... *(делает паузу)* Однако чем старше он становился, тем больше беспокоил его один пустяк. Из года в год его мать носила все то же платье, что и обычно. Каждый чертов – ой, Божий – день, одно и то же. И дома, и на улице – она была в одном наряде, который, надо сказать, заметно поистрепался. И вот, брат Гвидо, наш любопытный юноша, не выдержал и спросил у своей бабушки, почему мама постоянно ходит в одном и том же платье. Бабушка, которая очень любила своего внука, *(брату Гвидо, повысив тон)* поначалу не хотела отвечать на твой вопрос, верно?

Брат Гвидо с грустью кивает головой.

Брат Маркус: Но после долгих слезных уговором не смогла таить в себе маленький семейный секрет. Как-то за обедом, предварительно сговорившись с нашим любознательным мальчиком, она... *(через паузу, с еще большим выражением и пафосом)* она уронила вилку на пол. И жестом указала ему прямо под стол. *(брат Гвидо кивает, копируя ее жест)* Забравшись под стол, мальчик быстро нашел пропавшую вилку, но после он увидел... *(громко, едва не крича)* Что он увидел, мой любимый брат Гвидо?! *(через паузу)* Что из-под любимого мамино платья видны копыта... Ну, как тебе история, сестра?!

Оля: *(сплюнув воду)* Это полная чушь!

*Брат Маркус кивает брату Гвидо,
чтобы тот снова опустил лицо Оли в ведро.*

Брат Маркус: Что ж, сестра, тогда просто прими к сведению, что князь тьмы куда более изощрен, чем нам кажется... *(морщит лоб)* Испортила все настроение... Ладно, тогда просто удовлетвори мое любопытство. Многие из твоих предшественников, бывавших у нас... до тебя. Они весьма изящно и красочно описывали детали своего участия в богомерзком шабаше. Очень красочно! Про кровь младенцев, про щетинистый... *(усмехается)* Ну, вы поняли. Однако из всех описаний меня поразило только одно. Нам рассказывали, что как-то князь тьмы позволил себе партию в шахматы со многими соперниками и соперницами, одновременно совокупляясь с каждым из них. *(смеется, вытирает слезы)* Я вот что хочу понять... как именно... Господи помилуй, это же, наверное, так неудобно! *(обращаясь к брату Гвидо)* Нет, ну в самом деле, брат Гвидо, хоть ты-то со мной согласен? Как можно следить за доской и совокупляться – одновременно? *(заходится хохотом)* В таком случае можно прозевать какой-нибудь важный ход, или жульничество оппонента! *(Оле)* Ну, так что, сестра? Разве я не прав?

Оля: *(шепотом)* Просто он хорошо играет в шахматы.

*Оля задувает свечу, что стоит рядом с братом Маркусом.
Все видимое прежде пространство погружается во тьму.*

Сцена девятая

*Больничная палата Славика. В комнате темно.
Он сидит у окна, неспешно докуривая сигарету.
Слышны звуки дождя и раскаты грома.*

Славик: Свет пропал. Из-за бури этой, наверное. *(в сторону)* Эй, вы! Где свет?! Больница, а света никогда нет... *(стряхивая пепел в окно)* Короче... *(напряженно морщит лоб)* Короче, Антонина эта была не так проста. Ну, как могло показаться в самом начале. Я уже потом, так, порасспрашивал о ней основательно. Самое смешное, никто так и не знает точно – сколько ей лет. По общению так кажется – ну, что немало. А по виду, вроде, и не скажешь. *(делает паузу)* Она же из деревни приехала к нам. И там прожила порядком времени... Ну, и, как говорится, пользовалась уважением. Во всех смыслах. Мне рассказывали как до нее там участковый, ну... докапывался постоянно. Что-то ему не нравилось, или может он строго против был... ну, всех этих дел. То раз, короче, вызовет ее, то второй. Что-то там еще сделает, или приедет – угрожать начнет. Ну, и она, короче, что сделала? *(смущенно улыбается)* Даже не знаю как это описать... Ну, у него хуй встал и стоял. Просто вот ни с того ни с сего – стал и стоит! Не падает, в общем. А это ж, поймите, радости мало... Во-первых там особо не с кем было в той деревне... Ну, вы поняли. А во-вторых – и в туалет не сходишь, и вообще как-то... *(усмехается)* Он сперва к фельдшеру пошел. Но там, сами понимаете, без вариантов. Врач только руками развел, мол, «медицина тут бессильна». Походил он так еще денек, и только потом уже к Антонине сунулся извиняться. Ну, с перепугу. Это ж страшно! Так она ему сказала, мол, еще денька три походи, а потом возвращайся. Ну, типа посмотрю на твое поведение. *(усмехается)* Такая вот она... Но ко мне как-то сразу симпатия возникла у нее. Нормально ко мне так отнеслась. Сразу, причем. Не пожалела, нет. Просто я почувствовал что-то... тепло какое-то от нее, не знаю. В конце концов, если б не она... Я ж только поэтому здесь и сижу сейчас.

*Звуки раскатов грома за окном начинают заглушать голос Славика.
Он закрывает окно.*

Славик: Там как получилось... Как я потом понял, у Антонины такая фишка была. К ней типа приходишь и рассказываешь сам. Ну, там о проблемах, о беспокойствах. Короче, решаешь свои дела... Но она при этом понимает что-то еще. Не знаю, как грамотно выразиться... Она понимает, что ты скрываешь. Типа как самое важное. Мне даже она сказала как-то – ей вообще не надо человека слушать, мол, и так все понятно. И вот мать опять меня прикатила к ней... *(усмехается)* Ну, на процедуры. И что-то повздорили они. Заговоры, в общем, не помогли никак, а боли у меня усилились только. Дни такие были, что не передать. Что-то мы побыли у нее, ехать надо обратно, и говорит она матери – мол, оставь меня одну со Славиком. Ну, поговорить, в смысле. Мать вышла, но видно было – ей это не понравилось. Все время со мной была – следила там, помогала ей, если надо... Оставила нас в общем. И она мне так прямо и заявляет, мол, лечение ее не поможет. Почему, говорю? Я тут трухнул, конечно. Надежда же только на нее была... Но, что дальше услышал, не передать. *(делает долгую паузу)* Короче, говорит она, это все не поможет, пока мать тебе хочет смерти. И вообще – как вся эта болезнь моя случилась, ее мысли эти не покидали. Может, не хотела чтоб я мучился так... Или самой все надоело. Я не знаю – и думать не хочу, даже сейчас. Просто, передаю что Антонина тогда... За что купил, короче, за то и продаю. *(усмехается)* И вдогонку еще говорит мне. Ммм... Говорит, ты не переживай – это все ненадолго. Главное только по ночам не спи. Понимаете, да? По ночам не спи... Ну, там, пока мать на работе – отдыхай, но вечером и

ночью – старайся в общем... (*делает паузу*) Я так напугался, что сон сам пропал. До сих пор глаза ночью не закрываются. А тогда... тогда, помню, лежал и все слушал шаги матери по ночам. Она еще недовольна была, что ночью не ложусь. Смешно сейчас... Я все думал сказать ей, мол, мам – ты не думай там... Мне не так плохо, как тебе кажется. (*усмехается*) Не надо хотеть, чтоб я помер. Но о таком же не скажешь напрямую... Ну, вы себе это можете представить?! Это же бред полный... Вот я и не сказал. Ничего тогда не сказал. Лежал и слушал, как она дышит, как просыпается, в туалет идет. И так каждую ночь... Честно? Я ничего не ждал. Просто – лежал и слушал, потому что уже не мог спать. Лежал и слушал...

*За окном идет дождь и беснуется непогода.
Вскоре в комнате загорается лампа и включается телевизор.*

Голос из телевизора: (*очень громко*) ...среди прочего, кандидат в президенты, наметил своей целью достучаться до каждого избирателя! Прийти в каждый дом и услышать голос каждого...

Славик: (*выключая звук*) Твою ж мать! (*через паузу*) О чем я говорил?

Славика прерывает звонкий раскат грома.

Сцена десятая

*Оля, без сил после допроса, лежит за решеткой.
Купол клетки, однако, напоминает крыльцо дома Антонины.*

Голос сверху: Проснись...

Оля: Кто здесь?

Голос сверху: Проснись.

Оля: Господин?!

Голос сверху: Тише.

Оля: (*шепотом*) Ты не оставил меня!

Голос сверху: Да, я здесь...

Оля поднимается на ноги.

Оля: (*по-прежнему шепотом*) Господин, я знала! Знала, что ты придешь! Я... я так хотела увидеть тебя!

Голос сверху: Я не мог тебя оставить.

Оля: Я во всем призналась им... Во всем. Они... они пытали меня.

Голос сверху: Я знаю. Не беспокойся...

Прислоняется спиной к решетке.

Оля: Ты... ты не гневаешься?

Голос сверху: Нет.

Оля: Как же тут холодно... Тут так холодно. Я не чувствую ног.

Голос сверху: Я знаю...

Оля: У меня почти не осталось сил. Они сожгут меня... Они сказали, что сожгут меня! Завтра...

Голос сверху: Я знаю.

Оля: Завтра утром. *(через паузу)* Я хочу видеть тебя завтра. Ты придешь? *(через паузу)* Ты придешь?!

Оля поворачивается лицом и с силой сжимает в руках решетку.

Голос сверху: Я хочу, чтобы ты меня простила.

Оля: Господин, не говори так!

Голос сверху: Прости меня...

Оля: Не говорит так! Ты моя сила, мой смысл! Ты все, что я есть!

Голос сверху: Я не могу смотреть, как ты страдаешь. Ведь все случилось из-за меня... Я... я очень виноват перед тобой.

Оля: Не говори так!

Голос сверху: *(с дрожью и волнением)* Нет, это так! Это все я! И нет оправданий... Никаких. Это так глупо, так нелепо. Я же сам просто... я просто заложник этого образа. Пойми, те женщины, и то, что с ними было – это как доказательство, что я именно такой. Такой, каким и нравился тебе. Уверенный, особенный... Тебе же нравилось, что ты с тем, кого все... хотят. Кого вожделеет каждая, и кто сам... кто сам может все. Буквально все! *(делает паузу)* И вот сейчас, ты уходишь, и я понимаю, что... того, кто так тебя заводил, так нравился – больше нет. Его больше нет... Я пустое место без тебя. Полный идиот.

Оля: *(ласковым голосом)* Не говори так, прошу.

Голос сверху: Нет, я идиот. Я хотел, хоть быть этим чертовым героем... Этого всегда хочется. Исключительности, какой-то значимости... Но, поверь, я хотел им быть только для тебя! Только для тебя... И так глупо все потерял.

Оля: Мне совсем не страшно.

Голос сверху: Я знаю. От этого еще больнее. Ведь я тебя никогда по-настоящему не заслуживал. Никогда... Я – тварь, я – негодяй, я – подонок! Я... Я – ничто...

Оля: Прекрати.

Голос сверху: Я ничто без тебя. Меня просто нет.

Оля: Это не важно... Я... Я люблю тебя! Как только может любить женщина!

Голос сверху: И я люблю тебя. Хоть и не заслуживаю твоей любви...

*Клетка, в которой сидит Оля медленно заполняется дымом.
Слышен треск костра.*

Оля: Только, не оставляй меня... Слышишь? Не оставляй меня!

Откуда-то издали доносятся раскаты грома.

Сцена одиннадцатая

*Дом Антонины. Большая гостевая комната со столом посередине.
На нем зажженные свечи и старая керосиновая лампа. За столом сидят все: Майя, Оля
(промокшая, она накинула на плечи небольшой плед), Ирен, Филипп и Калюш. Они
расслаблены, будто давно друг друга знают.*

*Комната наполнена звуками громкого смеха. Со стены, сквозь тень, по-прежнему
выглядывают десятки старых телевизоров.*

Ирен: *(отдышавшись)* Господи, Калюш, откуда вы все это знаете?

Калюш: Это чистая правда! Более того, это единственный политик, особенно в такой высокой должности, у которого есть татуировка. Причем, что самое забавное... Поверьте,

я так и спросил. Ну, честно, интересно было. Я говорю, господин министр, это действительно очень и очень... изысканно, что вы набили себе лицо жены на груди, но – я специально сделал паузу – но что вы будете делать, если разведетесь?

Ирен: И что же он ответил?

Калюш: Сказал, что набьет рядом слово – «сука».

За столом очередной взрыв смеха.

Калюш устало опрокидывается на спинку стула, словно отыграв номер.

Филипп: А м-м-может в-в-ы с п-п-презид-дентом знак-к-омы?

Калюш: Не особо, но было дело... (усмехается) Но, сами понимаете, об этом я не могу рассказывать.

Оля: Ну, пожалуйста!

Филипп: Я не за себя – за вас переживаю.

Ирен: Мы никому не скажем.

Калюш: (с ухмылкой) Кто знает?

Оля: Честно слово, никому!

Калюш: Потом не говорите, что я не предупреждал! (смеется)

Встает из-за стола.

Прохаживается по комнате, будто во время сценического номера.

Калюш: История очень простая... Пару лет назад к нам приехала какая-то африканская делегация. Честно, я сам уже не помню каким боком меня туда позвали. Речь еще шла просто о коротком выступлении, после которого должен начаться... типа фуршет. Ну, и мне интересно было на все это посмотреть. На всю эту тусовку. Ну, и заодно как налоги тратятся... (делает паузу) Переводчиком был доцент с какой-то кафедры – не знаю чего... Африковедения какого-нибудь. Поездили по городу, потом ужин, ну так – перед официальной частью – поговорить, познакомиться. И вот африканцы эти – их наш переводчик разговорил уже, к тому времени – начали сперва между собой, а потом все про своих врачей рассказывать. Точнее про шаманов. Дошло то того, что доцент этот – когда в какой-то командировке был там – познакомился с шаманом, которого один из этих министров знал. Так он – этот министр – прям засиял. Я даже не представляю с чем это сравнить... Это как если вы приедете в какую-нибудь Тулузу, а мэр знает вашего участкового. Вот... Ну, и начали они за столом рассказывать какие у них шаманы сильные – причем, у каждого в роду свой. О том, как они помогают родственникам, эти шаманы, как лечат, предсказывают будущее и даже воюют. У них какая-то война была, так президент, как уверяли эти министры, ее с шаманами обсуждал... Как и куда лучше наступать. Правда, они обмолвились потом, что с другой стороны – в этой войне – тоже какие-то шаманы воевали. Тогда, наверное, это гражданская война, если шаманы одной страны воюют между собой? Думаю, да. И это я все к чему говорю? Вы ж про мое знакомство с ним спрашивали. (указывает пальцем вверх) Так он все это время молча сидел, слушал это все, а потом как ударил кулаком по столу (бьет кулаком), и говорит – если шаманы у вас такие сильные, то нахрена вы наши ракеты покупаете?!

Оля: И что они?

Калюш садится на прежнее место.

Калюш: Не помню... Какая уже разница? Наверное, купили ракеты и улетели обратно.

За столом возникает недолгая пауза, которая заполняется нервным ожиданием того, что Филипп закончит свой вопрос.

Майя: (*говорит по слогам*) За-зем-ляет. Женщина – это земля, природа. А главное, это такая сладкая-сладкая энергия для мужчины. Для семьи женская энергия – самое важное. Считай, как витамины. (*поворачивает к Ирен*) Ну, так что, милая, идешь?

Ирен: Не надо мне никого заземлять...

Филипп: Сх-х-о-д-дите. Вд-д-друг п-п-поможет. У к-к-кажд-дого есть св-в-вои п-п-проблемы...

Калюш: Вы знаете, он прав, Ирен. Попробуйте. Лучше жалеть о том, что сделано – нежели о том, на что вы так и не решились.

Оля: Сама же говорила – главное попробовать!

Майя: Ты только зайди, милая, а она сама все нашепчет. Расскажет все как есть – и о прошлом, и о будущем.

Калюш: И главное – то, что она скажет, касается лично вас, и только вас.

Филипп: Заряд-д-дтиесь эн-н-нергией.

Оля: Скажешь ей о своей спине!

Филипп: М-м-может в-в-вам чт-т-то еще в с-с-себе не н-н-нравится...

Майя: В будущее заглянешь, милая. Кто от такого откажется? Себе поможешь и родным.

Оля: Ирен, она реально все про меня знала! Я и зайти не успела как она... она сразу все поняла!

Калюш: Знать свою судьбу – это как выучить роль. А выучив роль, можно ее по-настоящему хорошо сыграть.

Оля: Новая жизнь, Ирен! Новая!

Майя: Еще никто не жаловался, милая. Все довольными уходят.

Филипп: К-к-камн-н-и д-д-дал-ла мне от з-з-заик-к-кания.

Оля: В воду окунула наудачу! И с собой еще налила!

Ирен: Да, что вы...

Ирен хватается за голову, поднимаясь из-за стола.

Ирен: Господи, Боже мой! Вы меня слышали?! Мне ничего не надо!

Нервно ходит вокруг стола.

Ирен: Это вам что-то надо! Вам! Что-то постоянно надо! (*Майе*) Ты со своей Антониной здесь как вампиры! Питаетесь гостями как какие-то клещи! Ведь каждому... каждому тут что-то надо! А я... я ничего не хочу... Поняла меня?! Ничего! Совсем ничего!

Ирен закуривает.

Оля: (*шепотом*) Ирен, не кури здесь.

Ирен: Ничего не хочу... Я свободна. Да, свободна... (*бормочет себе под нос*) В самом деле, черт подери... Свободна... Как я раньше не понимала? Хочу вот – курю! Хочу – говорю, что думаю! Как я этого не видела... Я же единственный здесь свободный человек! Свободный человек...

Достаёт флягу и допивает ее до дна.

Оля: (*шепотом*) Ирен! Держи себя в руках!

Ирен: Это ты держи себя в руках! Вы все! Как же вы мне противны! Вы же... вы просто... просто приспособление для желаний! Которые зовете смыслом... И больше ничего! В вас больше ничего нет!

Майя поднимается и даёт Ирен пощечину.

Майя: Успокойся, милая! Не терплю истерик в доме.

Ирен: (*резко меняет тон, говорит полупрошептом, нервно усмехаясь*) Вот же черт... Я, кажется, поняла... Вы несвободны. Вы ничего не видите... А мы все... мы все на краю. А вы ничего не понимаете! Мы на краю! Вот же дерьмо! Но я знаю... Я знаю, что делать. Я вас освобожу. Это не страшно... Совсем! Мы же когда смотрим вниз боимся... Я поняла! Мы же когда смотрим вниз боимся не падения, нет... Нас просто пугает эта безграничная свобода. Снизу... А она не страшная. Совсем не страшная. Она... Вот она... вот она какая!

*Ирен поднимает над головой керосиновую лампу, чтобы разбить ее о стол.
Раскаты грома раздаются с такой силой, что заглушают все звуки вокруг.*

Сцена двенадцатая

*Больничная палата Славика. В комнате снова темно.
Время от времени за окном сверкает молния, озаряя всю комнату.*

Славик: (*глядя в окно*) Короче, до сих пор никто не знает, что там случилось. Известно точно, что был пожар. В остальном – ничего не понятно... Мне как родственнику сказали, типа по секрету, что это молния. Ну, в дом ударила. Я не знаю... Понятно, может такое быть. В окно, например, залететь... Это, наверное, объяснимо. Ну, такое же бывает? Бывает. Но когда молния попадает в дом именно когда там столько людей... Это уже другое. (*делает паузу*) Но в остальном, конечно, не обманула Антонина. Все как она и сказала... Матери моей нет, ведьмы тоже нет, гостей ее, а я... я остался. Один. (*морищит лоб*) Стыдно сказать... ну, может, прозвучит странно... но мне так спокойно стало. Когда все это кончилось... Ей Богу, так спокойно! Как мозги на нужное место – бах! – и встали... Раньше не врубался... Типа как можно кого-то любить и хотеть его смерти? Ну, одновременно! А это же так... Не, ну я мучил за эти мысли. Врал себе – мол, нет, Славик, это не так. Она же не может так думать! Это же мать... Но с другой стороны, какая мне разница как она думает, если я ее люблю? Даже сейчас. Какая мне разница... И вообще, мне, может, впервые захотелось жить. Сейчас захотелось! Впервые за... я даже не знаю за сколько! Только сейчас... Жить. Не, бороться, как мне доктор все говорит – борись, Славик, борись! Давай, вперед! Никто кроме тебя! Ты такой же, как все! (*усмехается*) Нет... Вы, что думаете, меня реально волнует – такой я как вы, или не такой? Как мне в подъезд заезжать или в автобус? Ведь это такая ... такая мелочь, когда можно... просто жить. Понимаете? Просто, блять, жить! (*делает паузу*) Вот и все желание. Ладно... Наговорил тут сумасшедший инвалид... Вам уже идти пора, да? Заходите только еще. Вечерком как-нибудь. Мне приятно. А то заснуть никак не могу... Вообще отвык по ночам спать! Не знаю, что и делать... (*вздыхает, морищит лоб*) Света опять нет. Опять... Честно слово, как же заколебало. Его здесь никогда нет. (*в сторону*) Эй, вы! Где свет?! Включите мне свет! Слышите меня?! Включите свет! Включите мне чертов свет! Вы слышите?! Включите свет!

Комната погружается в полную тьму.

Сцена тринадцатая

*Прямая трансляция по всем каналам.
На ярко освещенную сцену, увешанную фотографиями и предвыборными плакатами с
Калюшем, уверенным шагом поднимается сам Калюш.*

*За его спиной, на сцене, уже стоят Филипп, Оля, Ирен и даже Майя.
Калюш здоровается с Филиппом, осторожно целует каждую из женщин. После этого
под громкие аплодисменты подходит к микрофону.*

Калюш: Добрый, добрый вечер, друзья. *(долгие аплодисменты)* Знаете почему он добрый? Потому что последний. Последний вечер нашей с вами прежней жизни. Именно поэтому вы здесь! Именно поэтому я здесь! Я – настоящий... живой, здоровый... немного неуверенный в себе и, также как и вы, волнуемый одним и только одним вопросом – что же, черт подери, будет дальше? Дальше может случиться всякое. Вы уйдете домой, разочарованные и пустые – опять двадцать пять, одни и те же слова и из года в год, они и те же пустые обещания... Но, знаете, у нас сегодня есть и другой путь. Он тернист, но мы все еще можем... Мы можем попробовать открыть дверь для новых людей в политике и новых поколений граждан. Если это получилось, а точнее – когда это получится, мы и создадим будущее нашей страны. Есть ли у нас такой шанс? Есть ли, на самом деле, у нас такой шанс?!

Делает паузу. Поднимает над собой предвыборный буклет.

Калюш: В этих буклетах напротив каждой фамилии стоит клетка. Любой знак в этой клетке говорит о том, что вы отдаете свой голос. Так вот, это полная херня! *(разрывает страницу)* Каждый, кто хочет отдать за меня свой голос – не отделается ни крестиком, ни галочкой, ни любым чертовым символом! Мне нужен голос... Именно голос! Ваш голос. Я хочу слышать этот голос, что бы он мне ни говорил. Тогда, только тогда все имеет смысл. Тогда все сработает. Критикуйте! Требуйте! Спорьте! Признавайтесь в любви или ненависти, но говорите! Говорите со мной! Как бы ни сложилось дальше – я хочу видеть вас, понимать вас... Каждого из вас! И я хочу слышать, я хочу знать ваши желания! *(через паузу)* Сменяемость, принципиальная сменяемость власти? Да! Реформа кредитных ставок? Да! Льготные условия для бизнеса? Профессиональная армия? Мы все обсудим, все! На всенародном референдуме или как-то еще! Обещаю, вы будете услышаны, но только при одном условии... Ваш голос должен звучать. Ваш голос должен звучать постоянно! Ваш голос – это не просто закорючка в бюллетене. Это желание... желание новой, по-настоящему новой жизни. Желание каждого из вас... Желание поменять как свою жизнь, так и судьбу нашей страны! Я хочу, чтобы вы пробовали изменить жизнь, со мной или без меня... *(делает паузу)* А знаете что... я вам соврал. *(усмехается)* Честное слово, соврал. В первый и последний раз. Когда сказал, что хочу всего этого. Я соврал... Потому, что не хочу... Я не хочу ваших голосов. Не хочу... *(снова делает паузу)* Я требую... Я требую их! Я требую ваши голоса и вашу энергию! Я требую их всеми силами души!

Закончив речь, Калюш и по очереди обнимается с Ирен, Олей, Филиппом и Майей.

После они выстраиваются в один ряд и кланяются избирателям.

Сцена заполняется дымом под песню Френка Синатры «My way».

Еле слышно доносятся звуки горящей древесины и падающих балок.

Конец видения.

Добро пожаловать в реальность.